

Кошмар / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Кошмар / рассказ КОШМАР

Вера Григорьевна, приоткрыла дверь, выглянула в коридор. Окинув строгим взглядом толпившихся в коридоре больных, вернулась в кабинет. Появление сестры на минуту утихомирило ссору. Причина склоки была обыкновенной – кто следующий. В противоборство вступили носители различных прав – прав очерёдности и права исключительности. Последний носитель пребывал в агрессивном меньшинстве.

Анна Дмитриевна оторвала взгляд от монитора, посмотрела на медсестру.

– Чего они расшумелись? Кто там опять буянит?

– Кошмар! – ответила та односложно.

– Не поняла. Какой кошмар?

– Кошмар ходячий заявился. Порядок в очереди наводит.

– О, господи! – Анна Дмитриевна всплеснула руками. – Меня или удар хватит, или я его «клавой» пришибу.

– Не дышите... Дышите...

Очередной больной оделся, вышел из кабинета. В дверях тотчас появился пожилой мужчина среднего росточка в клетчатой байковой рубахе, тёплых шароварах. Вид мужчины имел какой-то неопрятный, даже неряшливый: скулы и подбородок покрывала сивая щетина, из ушей и ноздрей торчали волосинки, поредевшая шевелюра давно не встречалась с расчёской. Рубашку словно жевала коза. Жевала, жевала, да так, не дожевав, и бросила. Шаровары на коленях обвисли, края штанин волочились по полу. Общему облику соответствовало брюзгливое, подозрительное выражение, написанное на лице. При виде хозяйек кабинета брюзгливость сменилась сладенькой улыбочкой.

– Здравствуйте, девочки!

Хозяек кабинета «девочки» покоробили. Вера Григорьевна нахмурилась, Анна Дмитриевна поджала полные губы.

Сестра взяла у больного направление, передала врачу.

– Раздевайтесь, ложитесь. Вам три дня назад ЭКГ писали. Что-нибудь случилось? В неврологии обычно один раз делают.

Сладенькая улыбочка исчезла, на лицо вернулась брюзгливость.

– Тебе талон даден, вот и делай. Сердчишко прихватывает, а докторша выписать хочет.

Больной разделся, поёжился, проворчал недовольно:

– Чёй-то холодно у вас.

– Весна, дедушка, топить перестали, а на улице похолодало, вот и холодно.

От такого обращения больной взвизгнул.

– Какой я тебе дедушка! Семьдесят только на будущий год будет. Не топят, так калорифер у лежака поставьте!

Старик долго ворочался, двигал лопатками, сучил ногами. Анна Дмитриевна не выдержала.

– Вы бы поторопились, Данила Гаврилович, вы не одни, очередь – полный коридор.

– Жёстко тут. Жалко матрац подстелить?

Наконец, пациент улёгся. Вера Григорьевна, стоявшая в ожидании с напрягшимся лицом, смазала нужные места гелем, начала закреплять электроды. Неожиданно больной дёрнулся, сжал ладонь медсестры.

– Вы что делаете? Все электроды отвалились. Смирно лежите, руку отпустите.

– Дай за ручку подержаться. Жалко тебе, что ли? – захихикал Данила Гаврилович.

Брезгливо поморщившись от прикосновения влажной ладони, Вера Григорьевна нервно выдернула руку, подняла с пола упавшие электроды.

– Ещё раз так сделаете, выгону из кабинета и делать ничего не буду.

– Жалко тебе, что ли? – продолжал хихикать престарелый ловелас.

Больные встречались разные, за два десятка лет Вера Григорьевна привыкла ко многому. Но от липучего взгляда прищурившихся глаз на одутловатом лице с лупившейся кожей, завалившейся верхней и отвисшей нижней губой лицо женщины пошло пятнами.

– Лежите смирно, не шевелитесь, – проговорила яростно, подошла к аппарату.

Обиженный холодностью суровой медсестры, не ответившей на заигрывания, Данила Гаврилович больше не улыбался. Путаясь в рукавах, надел рубаху, подошёл к столу врача.

– Ну и чё там у меня? Инфаркт скоро?

– Нет у вас никакого инфаркта. Идите в палату, сестра результат в отделение принесёт.

Даниле Гавриловичу почудился подвох, все только и норовят объегорить да отнять. Заговорил с визгливыми злыми нотками.

– Я счас знать желаю, чё у меня. Знаю я вас, сунете куда попало, ищи потом.

– Что было, то и есть, – сдерживая раздражение, Анна Дмитриевна кивнула на монитор. – Сами смотрите.

– Кого я в ём понимаю, компьютере твоём? По-человечески скажи, язык не отвалится.

Данила Гаврилович заводился всё больше, перешёл на фальцет.

– У вас возрастные изменения. Это нормально. Что ж вы хотели, чтобы у вас сердце, как у семнадцатилетнего юноши было? Ещё и курите.

– Не курю я! Два месяца, как бросил!

– Наверное, всю жизнь курили, изменения-то остались. Для вашего возраста сердце нормальное. В космос не пошлют, но жить можно.

– А чего оно бухает тогда? Молодая ещё, кого ты понимаешь! Врачи называется! Тьфу, прости господи!

– Больной, ведите себя прилично! – круглое личико Анны Дмитриевны с задорно вздёрнутым носиком разругалось, верхняя губка приподнялась и задёргалась. – Что вы себе позволяете? Я не лечу, а расшифровываю результаты исследований. По поводу сердца обратитесь к лечащему врачу. Всё, идите. Расшифровку ЭКГ принесут в отделение.

Лоб, щёки Данилы Гавриловича приобрели бордовый цвет. Глаза выпучились, на кончик носа выползла капля. Слова опережали мысль. Желание сказать что-нибудь позабористей наглой докторице, чтобы ту перекосило от злости, затмевало разум. Лечащая врачиха была женщина строгой, хоть над этой молодухой

поизгаляться.

– Кого она понимает, врачах лечущая? Десять лет радикулит лечит, вылечить не может. Доктора называется! Больница бесплатная, а хорошие лекарства – покупай. Чё, думаешь, дурак я, да? Не вижу, как сёстры с бутылками у раковин берутся? Хорошие лекарства родичам раздаёте да продаёте, а нас разбавленными лечите!

Возмущение и смех мешались у Анны Дмитриевны.

– Вы сами-то понимаете, что несёте? Вы представляете, что с вами будет, если в систему водопроводную воду налить? Если сердце болит, обратитесь к терапевту. Может, вас на эхограмму направят. ЭКГ всё не показывает.

Данила Гаврилович на минуту утих.

– А эта, эха у вас есть?

– Нет, у нас нету. Надо направление в диагностический центр получить, дождаться очереди. У них есть. Если платно, можно без талончика, никакой очереди.

– Больница называется! Я про вас Путину напишу!

– А это кто, друг ваш? – хихикнула Анна Дмитриевна.

– Вот накрутит хвоста, так узнаете.

Данила Гаврилович выхватил миллиметровку с кардиограммой и избавил хозяек кабинета от своего присутствия.

– Ух! – произнесла Анна Дмитриевна с облегчением, словно избавилась от тяжёлой ноши.

– Ну, дурак, ну, дурра-ак! – протянула Вера Григорьевна. – Надо же, за ручку ему охота подержаться. Найди шалаву какую-нибудь, и держись за что хочешь.

– Весна, гормоны играют, – глубокомысленно изрекла Анна Дмитриевна и хихикнула. – Вот погодите, выпишется из больницы, подстережёт вас и изнасилует. Уж очен-но вы ему понравились. Меня-то за ручку не держал.

Через минуту добавила:

– Может, и вправду сердце побаливает.

– Пряма-таки, – с насмешкой откликнулась Вера Григорьевна. – В больнице на всём готовом живёт, вот и мутит. Дома всё самому делать надо и поговорить не с кем. У него жена в прошлом году померла. Чтоб он сам сдох поскорей. Противный какой, кошмар

ходячий.

– Да вы что говорите! – воскликнула с испугом Анна Дмитриевна.

– вдруг вправду помрёт. Грех на вас будет.

– Переживу. Все помрём когда-нибудь.

Вера Григорьевна старательно вымыла руки с мылом, пригласила следующего больного.

В магазине Данилу, пытавшегося устроиться у кассы, дабы «подержаться за ручку» и позубоскалить на известную тему с кассиршей, толкали, поругивали. Да и молоденькая девица, сидевшая за кассой, не испытывала желаний кокетничать с облезлым старцем. Со своей холщовой торбочкой, в которую сложил покупки – хлеб, вареную колбасу, коробку чая «Принцесса Канди», ловелас уподобился надоедливой собачонке, путающейся под ногами. В конце концов, собачонку оттеснили прочь.

Спустившись с бетонного крыльца на тротуар, Данила остановился в раздумье. Пятачок, так в райцентре называли небольшую площадь, образованную тремя сходящимися улицами, жил своей жизнью. Современный супермаркет, хозяйственный и реликтовый продуктовый магазин принимали покупателей, у зелёного банка бил копытами табун железных коней, два магазинчика с ширпотребом и бижутерией, претендовавшие на роль бутиков, зазывали в свои недра. Проезжали автомашины, сновали прохожие. Лишь две бездомные собаки, ожидавшие подачек у пирожкового ларька, да Данила не могли найти себе занятие. Дома царил скука. Огородишко вдовец забросил, старые друзья куда-то рассосались. Соседи менялись едва ли не каждые полгода, да и те состояли в основном из молодёжи, снимавшей квартиры у настоящих жильцов. Впрочем, одно дело, до которого никак не доходили руки, имелось. Ждали починки два облупившихся стула. Каким-то неведомым образом из спинок вывернулись и потерялись шурупы. На новые шурупы деньги Данила жалел, да и неинтересно так – взял да купил. Если пошуровать в сарайчике, можно отыскать что-либо подходящее, но пока подходящее не находилось. Может, нерасторопный мастер плохо искал, а, может, его там и не было.

О шурупах Данила поговорил с Лёнкой и Костяном. Лёнка вообще

не поддержал разговор. Занятый своими мыслями бывший коллега по слесарке едва что-то буркнул в ответ на приветствие. Данила придержал торопливого мужика, ухватив за рукав, зачастил вопросами.

– Куда бежишь? Как жизнь-то? Где трудисси?

Лёнька недовольно дёрнул рукой, освободил рукав.

– В автомастерской работаю. Чего хотел? Говори скорей, некогда мне, за сигаретами выскочил.

Данила расплылся в улыбке. Приблизившись к собеседнику, дыхнул гнилостным запахом.

– Дак ты мне и нужен. Понимаешь, стулья поизломались. Десяток шурупов надо. Ты слесаришь, у тебя найдутся.

Лёнька оторопело посмотрел на бывшего сотоварища. Собрав морщинки у глаз, поморщился.

– Чего? Ты чё, вообще? Иди, вон, в хозяйственный, да купи. Копейки стоят. Думал, что серьёзное. Шурупы ему поищи! Всё, отвали, некогда мне.

Щуплый автослесарь крутнулся, и, оставив обиженного пренебрежением надоеду, ушёл прочь.

Солидный Костян, чей возраст перевалил за полсотни, в отличие от Лёньки, был гладко выбрит, одет в чистые джинсы. Главное, Костян не торопился. Достав пачку сигарет с фильтром, вытряхнул одну, чиркнул зажигалкой. Данила искательно протянул руку. Костян снисходительно усмехнулся, угостил давнего знакомого сигаретой, протянул зажигалку. Спросил с подначкой:

– Ты ж курить бросил? Или ты только свои бросил?

Попрошайка несколько смутился, переступил с ноги на ногу.

– Да так, балуюсь иногда.

Костян выпустил в небо струю дыма, с неуважительной усмешкой хмыкнул.

– Ну-ну, понятно.

Зажимая дармовую сигарету в горсти, Данила проследил за ленивым взглядом знакомого, созерцавшим полёт голубиной стаи.

– А ты чё не на работе? Ты ж в «Стройлесе» пахал. За это дело, что ли, выгнали?

Костян бездельничал, дабы скоротать время, был не прочь поболтать даже с Данилой. Но вопрос раздражил его.

– Почему выгнали, чё сразу выгнали? Песец «Стройлесу» пришёл. Данила затынулся, глубокомысленно поморщил лоб.

– Чё так? Банкрот, что ли?

– Типа того. Материала нет. В мае последнее бревно распилили. Москвичи весь лес скупил, свою фирму открыли.

– Ну и ты чё, груши околачиваешь?

– Да почему? Вон, под тополями «газик» мой стоит. Калымлю, кому чё подвезти.

– Ни фиги себе. Ну, ты прям олигарх.

– Т-хе, олигарх! Купил рухлядь рухлядью, за год подшаманил. Вот теперь пригодился, бегаёт помаленьку. Ну, а ты чё, на пенсии, помогаешь, кому делать нечего?

– Да, вишь, Костян, дело у меня какое, может, подсобишь.

Данила обстоятельно рассказал о сломанных стульях, выжидательно посмотрел на собеседника. Тот подумал, оттопырил губу.

– Да, может, и есть, посмотреть надо. Так опять же, длина какая, диаметр. А то – шурупы. Шурупы, они разные.

Данила представил, как поедут к Костяну домой, пару часов будут рыться в железном хламе. Но надежды его не оправдались. Зазвонил мобильник. Вольный перевозчик выхватил из кармана телефон, заговорил в трубку.

– Да, да... Всё правильно... А куда... Всё, договорились, через десять минут подъеду.

Костян иноходью побежал к грузовику. Возглас: «А как же шурупы?» остался без ответа.

Данила потоптался ещё немного у бетонных ступеней, посмотрел на работницу, протиравшую стеклянные двери, поплёлся к массивной круглой тумбе, стоявшей под тремя высоченными тополями. Тумбу облепляли объявления «купи-продай». Предложения интереса не представляли. Волос для продажи не имелось, окна не требовались, в дровах и угле житель трёхэтажки не нуждался.

– Здоров, Данила! Покупаешь чё, или продаёшь?

Данилу окликнула толстая тётка неопределённого возраста, но явно за сорок, одетая в вязанную зелёную кофту не по сезону,

обутая в глубокие галоши. Лихорадочный румянец на дряблых щеках, блёклые волосы старили женщину.

– Тц, тц, – пискнул Данила. – Кого мне покупать? Скоро кусать нечего будет.

– Ты чё ж, вылечился? Давно выписался?

При упоминании о лечении, Данила вспомнил тётку. То была больничная санитарка.

– Кого вылечился? Кого наши врачи вылечат? Продержали две недели, да выпнули. А ты чё, выходная?

– Выходная! – передразнила тётка зло. – Тоже выпнули. Года не проработала, выгнали суки.

– Сократили, что ли?

– Главврачу настучали – пьянку я устроила. Мужикам по стакашку бурдомаги налила, жалко мне, что ли. Дак я им в глотки не заливала, сами попросили. Я-то, – бывшая санитарка хитренько улыбнулась, – приспособилась бражку ставить. Ну и с собой банку брала. Вечерком тяпнешь – весело! Водка-то счас за двести зашкаливает, денег не напасёшься. Мужики про банку прочухали, ну и попросили. А пойло крепенькое вышло! У мужиков со стакашка загорелось, гонца послали. Ну, и мне поднесли. Мы и пили-то не в палате, в санитарской устроились. Вот скажи, кому како дело. Пьём тихо, культурно, никого не трогаем. На-те, дежурный врач нарисовался. Нарисовался и давай нас строить. Мужики обозлились, самого «построили». Выскочил, как ошпаренный. А чё, сам виноват, пусть не лезет, мы тихо сидели, никого не трогали. Выгнали, ну и хрен с имя. Я шибко не переживаю. Было б из-за чего. Платят пять тыщ, врачи выпендриваются, сёстры выпендриваются, только и знают указывать. Не берут только никуда. Ну да ничё. Лето перекантуемся как-нито, а к зиме сыщу работу. Ну их всех на фиг!

– Чё на фиг, чё на фиг! Жрать-то что будем? – неожиданно подала голос толстоногая малолетка, разглядывавшая объявления на тумбе.

– Это моя Танюха, – объяснила бывшая санитарка.

Данила вспомнил, тётку звали Татьяной.

– Не пропадём, доча, не помрём с голода. Вот разгрёбусь

маленько, пойдём штукатурить. Лето, кто строится, кто ремонтируется. Рабочие руки нарасхват.

– Ой, не могу, штукатурить она пойдёт. Кого ты наштукатуришь? Испилась вся.

– Э-э, доча, – старшая Татьяна погрозила пальцем, – не говори, чего не знашь. Талант-от, его не пропьёшь. Руки мастерство помнят. Руки у меня золотые.

Санитарка подняла на общее обозрение красные, подрагивающие кисти.

– И ты со мной штукатурить будешь. Вдвоём веселей, и делу тебя обучу.

– Мобильник купишь, тогда пойду, – капризно ответила дочка.

– Вот привязалась с этим мобильником. Жрать нечего, ей мобильник подавай. На кой ляд он тебе нужен? Кому звонить будешь?

– Знаю кому, подругам. У всех есть, у меня нету. стыдно на улицу выйти.

– Вот ещё горе моё. В школу не ходит, на работу не берут – малолетка.

Татьяна не уходила, бранилась с дочерью, и старалась поймать взгляд Данилы, словно пыталась добиться у того благосклонности.

– Чё, из школы-то выгнали? – спросил Данила машинально, шаря по малолетке замаслившимися глазёнками.

– Не пошла ей наука впрок. С двойков на тройки перебивалась, – продолжала Татьяна, голосом и взглядом стараясь вызвать к себе жалость. – Я ей потом сама сказала: «Да не ходи ты в эту грёбаную школу, будь она неладна». Вот, ты сам рассуди. Я пять тыщ получала в этой грёбаной больнице. А им то за одно плати, то за другое. Тут вообще придумали, какой-то училке подарок сделать, по пятисотке собирали. Я где таки деньги наберу, печатаю, что ли. Вот с Нового года и сидит дома. Кого с ней делать, ума не приложу. На работу фиг, кто примет. Хоть бы какой одинокий мужичишко взял прибираться в доме.

– Ну, ты совсем того, – откликнулась дочка, метнув взгляд в материного знакомца, – в б... определить меня хочешь.

– Сразу и в б... Дура ты, дура. Прибиралась бы у кого, на свой

мобильник заработала, да и пожрать чего.

Татьяна отвернулась от дочери, посмотрела на одинокого мужика просительным взглядом.

– Займи полтинник, может, сотенная найдётся, – мучимая жаждой женщина сглотнула, потопталась на месте. – Танюха, когда прибраться бы зашла, ещё чего там, по хозяйству.

– Какой полтинник, какая сотня! Говорю, скоро кусать нечего будет, с такими ценами.

Жалость к деньгам, которые неминуемо бесследно исчезнут, боролась с вожделением. Взгляд отклеился от толстых ляжек, едва прикрытых тонким коротким платицем, скользнул вверх, к бугоркам, не стеснённых лифчиком.

Данила кашлянул, заговорил фальцетом.

– Вот чё, счас пузырь возьму, пойдём ко мне, выпьем за знакомство. Только ты, того, с Танюхой иди.

– Банку пива возьми! – крикнула вдогонку малолетка. – Мне вашу водку пить противно.

Дрожащими руками Данила сдвинул на край стола невымытую посуду, наполнявшую кухню дурным запахом, налил в граненые стопки водку. Татьяна торопливо кромсала хлеб, колбасу.

– Ну, будем!

– Вы тут пейте, я туда пойду, – малолетка с отсутствующим видом взяла банку с пивом, ушла в комнату.

После второй лицо у Татьяны размякло, обвисло.

«Расстележится, – забеспокоился старец, – потом не выпроводишь». Водки было жалко, но он пересилил себя, иначе та уйдёт.

Пробка пошла не по резьбе, завернулась с третьего раза.

– Ты чё, – встрепенулась собутыльница, – давай допьём, полбутылки ещё.

– Ты того, водку забирай, и домой иди, сама допьёшь. Танюха пусть останется. Приберётся, вишь, бардак какой у меня.

– Да мне чё, хотит, пусть остаётся. У тебя и правда, мусор кругом. Договоритесь, пусть хоть кажен день приходит убираться. Только деньги мне платить будешь, – с хитренькой улыбочкой Татьяна погрозила пальцем.

– Ну и хата, даже телик не работает. Мобильник купишь, буду приходить. – ноюще донеслось из комнаты.

Неожиданно появившаяся в дверях дочка выхватила у матери бутылку, привычным движением свернула пробку, хлебнула из горлышка.

– Вот же стерва, – пробормотала мать, отбирая водку.

Данила нетерпеливо подталкивал мешкавшую гостью к выходу, у порога вышла заминка.

– Ты вот чё, ещё на пузырь дай, а то заберу Таньку, – неожиданно злобно зашептала Татьяна, не позволяя открыть дверь.

– Я где столь денег наберу?

– Твои проблемы. Давай, давай. Ты как хотел? Не будет денег, и девки не будет.

Сопя, Данила достал кошелёк, зашелестел купюрами. Татьяна ловко выдернула три сотенных бумажки и шмыгнула за дверь.

Танюха снулой рыбой лежала на кровати, раскинув руки и ноги, банка из-под пива валялась рядом. Данила долго стаскивал тесное платье. От вожделения вспотели ладони, от усердия выползла капля. Старец кряхтел, что-то бормотал, тискал неразвитую грудь, мусолил губы, щёки. Танюха лежала безучастно, лишь лицо воротила в сторону, цедила сквозь стиснутые зубы:

– Да не облизывай ты меня. Давай скорей.

Ушла малолетка в сумерках, строго-настрого предупредив: без мобильного в постель не ляжет.

2015 г.

© Александр Коломийцев. Некаýalar